

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ,

повествующая о том, как злой дьявол с помощью своего драгоценного талисмана напускал дым, песок и огонь, и о том, как Сунь У-кун придумал способ, чтобы похитить золотые бубенцы

Итак, Сунь У-кун, приняв воинственный вид и держа в руках железный посох, взошел на благовеющий луч и поднялся в воздух. Обратившись лицом к чудовищу, он закричал:

— Откуда ты взялся, мерзкий дьявол? Куда несешься буйствовать?

В ответ чудовище заорало:

— Я головной дозорный из войска, подчиненного нашему царю — Сай Тайсую, обитающему в пещере Чудесного оленя-единорога, что на горе Диковинного носорога. Сейчас по его приказу я явился сюда за двумя дворцовыми прислужницами для нашей повелительницы — Золотой царицы! А ты кто такой, что осмеливаешься спрашивать меня?

— Я — равный небу Великий Мудрец Сунь У-кун! Мне велено охранять Танского монаха, который идет из восточных земель на Запад поклониться Будде, — гордо отвечал Сунь У-кун. — Проходя через эту страну, я узнал, что ты и вся твоя нечистая шайка дьяволов обижаешь здешнего правителя, а потому и решил трянуть удалю и истребить всех злых духов и дьяволов-оборотней. Не знал я, где искать тебя, злодей, а ты, оказывается, сам явился на свою погибель!

Услышав эти слова, чудовище, не разобравшись, кто перед ним, стало колоть своим длинным копьём храброго Сунь У-куна. А тот поднял железный посох и начал колотить чудовище. Ну и бой разгорелся в воздухе:

Драгоценность пучины морской, —

Быстрый посох, владеющий чарами!

Со сноровкою и быстротой

Он встречает врагов ударами.

Как же может простое копье

С ним в поединке сравниться?

Всё чудовище в битву стремится,

Всё тратит уменье свое.

Отродью бесовскому биться

С мудрым праведником не дано —

Будет бес побежден все равно,—
Не ему своей мощью кичиться!
Едва только бой начался,
Понял враг — с Сунь У-куном не справиться!
Поднимает он пыль столбом,
Но напрасно — мудрец не пугается!
Только бурей песчаною зря
Потревожил безумец царя!
Сунь У-кун же, туманы топча,
На злодея, как коршун, кидается,
Солнце меркнет, что в полдень свеча,
За спиной Сунь У-куна скрывается;
Не жалеют противники сил,
Бьются, застя сиянье светил.
Неспособный на подвиг хвастун
Тщетно в злобе бессильной ярится:
Должен он с неизбежным смириться —
Одолеет его Сунь У-кун!
Посох смело вперед устремляется:
Раз — удар, и копье пополам!
Вот оно под ногами валяется,
Превратясь из оружия в хлам!

Потерпев поражение и спасая свою жизнь, чудовище повернуло ветер в обратную сторону и помчалось прямо на Запад. Однако Сунь У-кун не погнался за ним. Он прижал край облака вниз и опустил на землю возле убежища, в котором прятались от дьявола.

— Наставник! — стал звать он.—Прощу тебя, выйди вместе с правителем! Я прогнал чудовище.

Танский монах вместе с правителем вышел из убежища, поддерживая его под руку. Небо прояснилось и стало совершенно чистым, а в воздухе даже не пахло никакой чертовщиной.

Правитель подошел к столу с угощениями и, собственноручно взяв кувшин с вином, стал разливать его по чаркам. Налив до краев золотую чарку, он обеими руками поднес ее Сунь У-куну с такими словами:

— Преосвященный монах! Благодарю и еще раз премного благодарю тебя!

Сунь У-кун взял в руки золотую чарку и только было хотел ответить правителю, как вдруг в дворцовых дверях появился сановник и доложил:

— За западными воротами дворца бушует пожар!

Услышав эти слова, Сунь У-кун подбросил чарку с вином высоко в воздух. Раздался звон, и пустая чарка упала на землю.

Правитель засуетился и, изогнувшись в три погибели, стал кланяться Сунь У-куну:

— Преосвященный монах! — умоляюще заговорил он. — Прости меня. Я сознаю свою вину. Мне бы следовало просить тебя, как положено, откушать вино в парадных хоромах дворца! Но поверь, я дерзнул предложить тебе выпить здесь только потому, что под руками оказалось это вино. Не потому ли ты кинул чарку, что хотел показать свое недовольство мною?

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун. — Совсем не в этом дело.

Немного погодя появился еще какой-то сановник и доложил:

— Ну и дождь! Только что за Западными воротами разбушевался пожар, а тут как хлынет ливень: так сразу же залил огонь. По всем улицам текут потоки воды, но почему-то от нее пахнет вином.

Сунь У-кун вновь рассмеялся и сказал:

— Правитель! Ты видел, как я кинул вверх чарку с вином, и подумал, что я чем-то недоволен, но, видишь, оказалось вовсе не так. Дело в том, что чудовище, потерпев поражение, умчалось на Запад, а я не погнался за ним. Тогда оно вернулось и напустило огонь. Я же этой чаркой вина загасил дьявольский огонь и спас от пожара жителей города, живущих по обе стороны Западных ворот. Разве могло быть у меня какое-либо иное намерение?!

Правитель еще больше обрадовался и удвоил свое почтение к монахам. Он поспешил пригласить Танского наставника и всех его спутников в тронный зал, желая, видимо, уступить им трон и передать бразды правления.

— Правитель! — смеясь, сказал Сунь У-кун, желая отвлечь государя от его намерения: —

Оборотень, который появился здесь, назвал себя головным дозорным злого дьявола Сай Тайсуя и сказал, что послан за двумя дворцовыми прислужницами. Сейчас этот оборотень, потерпев поражение, вернулся ни с чем и, безусловно, доложил о случившемся главному дьяволу, который непременно явится сюда, чтобы сразиться со мною. Для этого он сразу же поднимет всю свою ораву и приведет с собой. А это, неизбежно, встревожит весь твой народ, да и тебя, государь, напугает. Поэтому я хочу выйти ему навстречу, схватить его еще в воздухе и освободить из плена твою Золотую царицу. Не знаю только, в какую сторону мне направиться. Не скажешь ли ты, как далеко отсюда логово этого дьявола?

— В свое время я посылал туда лазутчиков, — отвечал правитель. — Они отправились на боевых конях, и им потребовалось более пятидесяти дней, чтобы побывать там и вернуться обратно. Его обиталище находится на юге, больше чем в трех тысячах ли отсюда.

Услышав об этом, Сунь У-кун крикнул:

— Чжу Ба-цзе! Ша-сэнь! Побудьте пока здесь и охраняйте нашего наставника, а я живо слетаю туда и обратно. Но правитель стал удерживать его!

— Преосвященный монах! — уговаривал он. — Обожди хотя бы денек! Тебе приготовят сушеную и жареную еду, соберут серебра на дорожные расходы, выберут лучшего коня-рысака — вот тогда и можно будет отправиться!

— Да что ты, правитель! — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Ты говоришь так, будто я собираюсь карабкаться через горы и хребты! Не стану тебя обманывать и скажу прямо: эти три тысячи ли я проделаю за такой короткий срок, что вино не успеет остыть в чарке!

— Преосвященный монах! — удивился правитель. — Ты только не обижайся на меня, но своим почтенным обликом ты, право, очень напоминаешь обезьяну. Хотелось бы знать, как смог ты овладеть таким волшебным способом передвижения.

И Сунь У-кун отвечал правителю так:

Пусть даровала мне судьба нечеловечий лик,
Искать всеобщие пути я с малых лет привык,
Которыми шагает жизнь, и с ней бок о бок — смерть.
Горнилом мне была земля, а крышкой тигля — твердь,
Когда наставника нашел, к которому спешил,
Когда ученье о Пути достойный мне открыл,
Когда приют мне свой дала гора Хуагошань,
Где приобщался я в тиши от мира скрытых тайн.

И тело я свое и дух в те поры закалял.
Трудился день, трудился ночь, усталости не знал;
Тогда постичь мне удалось состав, каким полна
Планета Заяц* иль в ночи светящая луна,
А также из каких веществ образовался круг
Светила, что в моей стране все Вороном зовут;
Постиг начала «инь» и «ян», борьбу огня с водой,
Великого ученья суть раскрылась предо мной;
Узнал, что участь всех людей, и вместе с ними стран,
Находится во власти сил созвездия Тяньган.
Жизнь наша может быть плоха, быть может хороша,
Как повернется рукоять созвездия Ковша;
Все нужно делать в должный срок: огонь сильней раздуть,
Или уменьшить, или тигль со сплавом повернуть,
Опорожнить его совсем, коль выплавке конец,
И вовремя добавить ртуть, и в срок извлечь свинец.
Двух этих действий меж собой взаимосвязь сильна,
Без них в цепи благих веществ недостает звена;
Объединение стихий рождает страсть и мощь —
Вот также тучи с высоты прохладный дарят дождь.
Взаимно связан и светил главнейших тихий бег,
И время года узнает по звездам человек.
Три славных школы все труды разделят сообща,
Бессмертья золотой залог без устали ища.
Два духа жизненных должны друг к другу подойти,
Чтоб круг свой плавный совершить по Желтому пути.
Движенья рук и ног людских легко постичь закон —
Ведь каждый из простых людей тем знаньем наделен!

Но духи помощью своей как будто бы дарят
Того, кто ходит колесом, как я, сто раз подряд!
Как только кувыркнусь разок — перемахну шутя
Хребет Тайхан — так через кочку прыгает дитя,
Еще разок — и позади и реки, и леса,
И переправа, что ведет с земли на небеса...
Не мне страшиться гор крутых, что поперек пути
Встают,— не им мне помешать, куда хочу дойти!
Не побоюсь и сотни рек таких же, как Янцзы,
Лишь полюбуюсь с высоты на скал и волн красы...
Ведь я могу быстрее орла по воздуху летать,
И облик свой перед лицом опасности менять!

Царь выслушал Сунь У-куна с изумлением и радостью и поднес ему царский кубок вина.

— О преосвященный монах! — произнес он. — Тебе предстоит совершить дальний путь и великий подвиг. Прими от меня этот кубок с пожеланием успеха!

Но Сунь У-кун был охвачен столь неистовым желанием покорить дьявола, что даже и помышлять не мог о вине. Он лишь воскликнул:

— Поставь пока этот кубок, правитель. Я мигом слетаю туда и обратно, и тогда выпью!

И вот наш герой, едва договорив последние слова, рванулся с места и со свистом умчался, быстро исчезнув из виду. Изумлению правителя и его сановников не было границ, но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Сунь У-кун вскоре увидел высокую гору. Облако, на котором он мчался, зацепилось краем за ее выступ. Тогда Сунь У-кун прижал все облако вниз и встал во весь рост на самой вершине. Внимательно осмотревшись, он убедился, что гора была поистине замечательная.

Вот послушайте сами:

Она, возвышаясь до неба, захватывала и землю,
Солнце собой закрывала, и тучи рождались на ней;

Вершин своих острия до синих небес подъемля,
Землю она загружала россыпями камней,
Гребнями кряжей и жилами мощных отрогов;
Много таила красот и таила опасностей много.
Солнце она заслоняла вершинами темными сосен,
Там же, где тучи свивали клубы грозовые свои,
В мрачных теснинах, под сенью тяжелых утесов
Мчались седые потоки и рокотали ручьи.
Сосны зимою и летом зеленый покров не теряли,
Облик свой скалы столетия не изменяли,
С шелестом тихим порой расступались травы,
И раздавался воды неожиданный плеск,
Ропот листвы и кустов потревоженных треск;
То выползали на поиски пищи удавы;
Крик разносился порою и резкий и странный,
Слышались скорбные вопли ночной обезьяны.
Воздух наполнен был клекотом, щебетом птичьим,
Шумом, и ревом, и писком, и рыканьем хищным;
Как шаловливые дети, олени и серны сновали,
У водопоя месили прибрежный песок;
Облаком, ветром гонимым, под самое небо взлетали
Стаи крикливых ворон и болтливых сорок.
Ну, а цветы луговые — никак не окинуть их взглядом —
Ярко пестрели в высокой траве их наряды.
Ветви склонялись под тяжестью спелых плодов,
Зрели орехн под сенью листвы шелестящей.
Пусть здесь опасны пути, непролазны кустарников чащи,
Все же убежищем может служить настоящим

Эта гора для того, кому надобен кров;

Многие праведники здесь приют обретали,

Многие оборотни здесь спасенья искали.

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун с неослабевающим любопытством разглядывал гору и уже готовился пойти на поиски пещеры, как вдруг заметил, что из расселины вырвался яркий столб пламени, и мгновенно все небо запылало красным заревом. Затем из пламени вырвался клуб зловещего дыма, еще более страшного, чем пламя. Вот что рассказывается об этом в стихах:

Свет от тысячи фонарей дворцовых

Перед этим пламенем померк;

Пламя сбросило подземные оковы,

Тысячами языков пунцовых

Небо лижет и стремится вверх;

Не походит дым на тот дымок,

Что летит из труб жилья людского,

Ни на тот, что от костра ночного

Вдаль уносит легкий ветерок,

Ни на дым пожарища лесного.

Синий, черный, красный, желтый, белый, —

Он несется в горные пределы,

Как всеистребляющий поток,

Закоптив небесных врат основы —

Их литые, прочные столбы, —

Он, рожденный полымем багровым,

Вьет свои зловещие клубы.

Самый воздух страшно раскален,

Задыхаются, забившись в норы, звери,

Загораются на горных птицах перья,

Их теснит огонь со всех сторон,

И дворец небесный окружен
Пламенем, что буйно рвется в двери...
Как же сквозь огонь и дым пробиться,
В глубь горы себе проход открыть,
Чтоб в земные недра углубиться
И владыку демонов смирить?

Великий Мудрец струхнул, но вот из горы вдруг взметнулся огромный столб песка, который сразу же затмил солнце и скрыл небеса.

Представьте себе:

Весь необъятный небосклон
Седым песком запорошен,
Туман окутывает землю,
Несется прах со всех сторон,
Столбы огромные подъемля.
Пыль мелкая глаза слепит,
А та, что покрупней, летит
И стелется к земле поближе,
Спускается все ниже, ниже,
Ее разносит вихрь лютый,
Подобно семенам кунжута.
Через долины нет пути,
И через горы не пройти,
Из берегов выходят реки...
Тропинку нужную найти
В лесу не могут дровосеки,
И сборщики целебных трав
Друг друга кличут безуспешно

Плутают все во тьме кромешной,
От тщетных поисков устав
И если б ты держал в руках
Жемчужину, что ярко светит,
То все ж пути бы не приметил, —
Столь очи застилает прах!

Сунь У-кун так увлекся этим зрелищем, что не заметил, как ему в нос забился песок. В носу зачесалось, зашекотало, и Сунь У-кун стал чихать. Он чихнул раза два, быстро оглянулся и, протянув руки, нащупал в выступе скалы два круглых камешка, каждый величиной с гусиное яйцо, которые и запихал себе в ноздри; качнувшись всем телом, он превратился в ястреба, обладающего способностью собирать огонь, и полетел в самое пекло, в огонь и дым. Там он сделал несколько кругов, и вдруг песок улегся, дым исчез, а огонь погас. Тогда Сунь У-кун поспешно принял свой первоначальный вид. Когда он опять стал оглядываться, его внимание вдруг привлекли резкие металлические звуки «дин-дин, дон-дон», словно били в гонг.

«Эх, я, видимо, сбился с пути! — подумал Сунь У-кун. — Здесь не может быть обиталища дьявола. Судя по ударам в гонг, это должна быть почта. Видимо, где-то близко проходит столбовая дорога, по которой идет посыльный с казенным пакетом. Пойду-ка я ему навстречу и узнаю, так ли это».

Едва он вышел на дорогу, как увидел бесенка с желтым флажком на плече и с сумкой для пакетов за спиной. Бесенок бил в гонг и мчался во весь дух. Сунь У-кун засмеялся и сказал самому себе:

— Так вот кто, оказывается, бьет в гонг! Интересно, что за грамоту он несет. Надо узнать!

Ну и молодец наш Сунь У-кун! Он снова встряхнулся, превратился в шмеля, полетел за бесенком, сел на сумку с грамотой и стал слушать, как бесенок бьет в гонг и бормочет:

— До чего же лют наш великий князь! Сверх всякой меры! Три года назад похитил он Золотую царицу в Пурпурном царстве, да видно не судьба им жить вместе, никак не может добиться ее расположения. Зря только губит неповинных прислужниц царицы, желая удовлетворить свою страсть. В первый раз привез двух — убил, затем четырех — тоже убил. В позапрошлом году вытребовал прислужниц, в прошлом году опять понадобились, в этом году то же самое: вот и теперь еще потребовались, да ничего не вышло. Нашелся какой-то Сунь У-кун, который сразил головного дозорного, посланного за царицыными прислужницами. Наш великий князь так разгневался, что решил проучить то государство, и велел мне доставить им грамоту о войне. Вот я иду и думаю, если тамошний правитель не станет воевать, значит, он человек с умом, если же вступит в бой, то наверняка потерпит неудачу. Наш великий князь как напустит на его царство огонь, дым да еще песок, так никого не останется в живых: ни самого правителя, ни его слуг, ни подданных! Тогда мы займем столицу ихнего царства, наш великий князь провозгласит себя императором, а нас сделает придворными слугами. Я хоть и получу какой-

нибудь чин, а совесть все равно будет мучить за нарушение законов неба!

Сунь У-кун слушал, а сам втихомолку радовался.

«Ишь ты, оказывается, оборотни тоже бывают с добрым сердцем! Ну, как не похвалить этого бесенка за его слова: «Совесть все равно будет мучить за нарушение законов неба»? Только никак я не пойму, что это он говорил про Золотую царицу, будто все время у ихнего князя с ней ничего не получается — никак он не может овладеть ею. Ну-ка, дай расспрошу его об этом».

Сунь У-кун зажужжал, отлетел в сторону, пролетел вперед на десять с лишним ли, там встряхнулся и превратился в отрока-послушника:

Одет он в рубище из ста заплат,

По барабану ударяет билом,

И тянет голосом пронзительно-унылым

Молитву длинную, сопровождаемую в лад.

Рогульками закрученные, две

Косицы у него на голове.

Обогнув склон горы, Сунь У-кун вышел навстречу бесенку и, подняв руки в знак приветствия, воскликнул:

— Приветствую тебя, господин мой! Куда спешишь так? Какую грамоту несешь?

Бесенок как ни в чем не бывало отозвался, словно давно был знаком с отроком. Он перестал бить в гонг и, радостно хихикая, в свою очередь поклонился и сказал:

— Наш великий князь послал меня в Пурпурное царство передать грамоту о войне!

Подхватив последние слова бесенка, Сунь У-кун притворился весьма удивленным:

— Что ты говоришь? Пурпурное царство? — переспросил он. — Да ведь великий князь породнился с тамошней царицей!

— В позапрошлом году, — отвечал бесенок, — как раз когда он похитил ее, здесь объявился какой-то волшебник, который подарил Золотой царице пестрый свадебный наряд. Как только она его надела, у нее по всему телу выросли колючие шипы, такие острые, что наш великий князь даже погладить ее не осмеливается. А стоит ему прижать ее к себе покрепче, как в руки

ему вонзаются шипы и причиняют нестерпимую боль. По сей день нашему великому князю никак не удается слиться с ней. Сегодня рано утром он послал своего головного дозорного за прислужницами царицы, но какой-то Сунь У-кун схватился с этим дозорным и побил его. Наш великий князь сильно разгневался, а потому и велел мне отправиться в Пурпурное царство с грамотой о войне. Завтра он нападет на это царство.

— Отчего же это великий князь так разгневался? — притворился удивленным Сунь У-кун.

— Да он и сейчас еще злится, — отвечал бесенок. — Ты бы ходил к нему и спел свои псалмы. Может быть, он сменил бы гнев на милость — вот было бы хорошо!

Сунь У-кун попрощался и сразу же побежал прочь, а бесенок пошел своей дорогой, продолжая бить в гонг. Тут у Сунь У-куна возникло злодейское намерение. Подняв свой посох, он повернул обратно, нагнал бесенка и так хватил его по затылку, что у бедняги голова раскололась, брызнула кровь и выскочили мозги; кожа на шее лопнула, а позвоночник вылез наружу.

Тогда Сунь У-кун убрал свой посох, и его охватило раскаяние.

— Эх, зря я поспешил! — огорченно сказал он. — Даже не спросил чертенка, как его зовут! Ну, делать нечего! Достану-ка из его сумки грамоту о войне и засуну ее в рукав, а желтый флаг и медный гонг спрячу в придорожной траве.

Но когда он собрался было потащить за ноги труп бесенка, чтобы сбросить его в горный поток, он услышал, как что-то звякнуло. Оказалось, что это была служебная табличка в золотой оправе, которая выпала из-за пояса. Надпись на табличке гласила:

«Предъявитель сего — доверительное лицо в чине сяосяо по имени Юлай Юцью — «Приходи, когда зовут, и ступай, когда пошлют». Приметы: рост — пять четвертей; лицо прыщавое, без усов и бороды. Сию табличку носить при себе на всем пути следования, без оной считать самозванцем».

— Значит, этого подлеца звали Юлай Юцью — Приходи, когда зовут, и ступай, когда пошлют! — смеясь, проговорил Сунь У-кун. — Но после моего удара посохом его можно назвать «Ушел и больше не придет»!

Сунь У-кун снял табличку с пояса бесенка, засунул ее себе за пазуху, а затем хотел было столкнуть труп в горный поток, но, представив себе ужасный дым и огонь, которые он только что видел, раздумал и не решился даже искать пещеру дьявола. Он быстро поднял посох, пронзил насквозь бесенка и, подхватив его труп, помчался обратно, чтобы сообщить пока о своем первом подвиге. В пути он успел подумать да поразмыслить, а потом со свистом прибыл в Пурпурное царство. Между тем Чжу Ба-цзе, который расположился перед парадным залом Золотых колокольчиков и охранял покой царя и Танского монаха, невзначай повернул голову и вдруг заметил в воздухе Сунь У-куна, тащившего бесенка.

— Вот тебе на! — огорченно произнес он. — Если бы я принес беса, мне бы это не посчитали за заслугу!

Не успел он это сказать, как Сунь У-кун прижал книзу передний край облака и сбросил мертвого бесенка прямо к ступеням зала. Чжу Ба-цзе подбежал к нему, ударил его своими граблями и громко воскликнул:

— Это заслуга моя, почтенного Чжу Ба-цзе!

— Какая же заслуга? — спросил Сунь У-кун.

— Провести меня вздумал? Не выйдет! — закричал Чжу Ба-цзе — У меня есть доказательство! Видишь на бесе девять отверстий? Это от моих граблей.

— А ты погляди лучше, есть ли у него голова?

— А он таким и был, без головы, — возразил Чжу Ба-цзе. — Я еще подумал, почему это он даже не вздрогнул, когда я хватил его граблями...

— Скажи, где наставник? — перебил его Сунь У-кун строго.

— Он сейчас в парадном зале беседует с правителем.

— Попроси его сюда!

Чжу Ба-цзе поспешно вошел в зал и кивнул головой Танскому монаху. Тот сейчас же встал и вышел из зала. Сунь У-кун сунул в рукав наставнику грамоту о войне и сказал:

— Спрячь у себя и пока не показывай правителю!

Не успел он произнести эти слова, как показался сам правитель, который тоже вышел из зала и направился к Сунь У-куну со словами:

— Преосвященный отец монах! Рад твоему прибытию! Что можешь сообщить мне о дьяволе?

Сунь У-кун, указывая рукой, ответил:

— Разве это не черт-оборотень здесь у ступеней крыльца? Ведь это я убил его.

— Несомненно, это черт-оборотень, — сказал правитель, — но не Сай Тайсуй. Того я видел

собственными глазами. Он ростом больше одного чжана, а плечи у него в пять раз шире, чем у простого смертного. Лицо с золотистым блеском, голос громоподобный. Разве похож он на этого заморыша?!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Выходит, ты, правитель, знаком с дьяволом! Верно, это не Сай Тайсуй, а бесенок, посланный глашатаем. Мы встретились с ним в пути, я убил его и доставил сюда, чтобы доложить о первой удаче.

Правитель расхохотался:

— Ладно, ладно, ладно! — с удовлетворением проговорил он. — Зачтется тебе как первая заслуга! Я много раз посылал гонцов добывать сведения об этом дьяволе, но никто из них не мог сообщить ничего определенного. А ты, преосвященный монах, впервые взялся за это дело и уже изловил бесенка, да еще успел вернуться сюда! Ты и в самом деле владеешь волшебными чарами!

Обратившись к слугам, царь приказал:

— Подать сюда подогретого вина! Отблагодарим почтенного монаха за его заслугу!

— Пить вино не такое уж важное дело, — молвил Сунь У-кун. — Ты лучше скажи мне вот о чем. Когда ты расставался со своей Золотой царицей, не оставила ли она тебе каких-нибудь вещиц на память? Дай мне что-нибудь.

Слова «вещицы на память» словно ножом вонзились в сердце правителя, он не сдержался, и слезы заструились по его лицу.

Вот что поведал он Сунь У-куну:

В тот год, когда беда случилась эта,

Которой я доселе не постиг,

Чудесным праздником мы все встречали лето,

Как вдруг, издав громоподобный клик,

Сам дьявол, злой Тайсуй, предстал пред нами,

Сверкая грозно круглыми очами.

Он пожелал жену мою похитить,

Грозился уничтожить мой оплот,
И мною обожаемый народ
Жестоким разорением обидеть.
Я, как отец о подданных радея,
Сам отдал милую жену злодею.
Расстались с ней мы в этот час суровый,
Печаль глубоко в сердце затаив,
Не побеседовав, не вымолвив ни слова
И даже слез горячих не пролив.
Не проводив супругу до повозки
И не проехав с ней до перекрестка,
Остался я тогда один как перст,
И ничего на память не осталось...
А как утешила б меня любая малость!
Но лишь скорбям с тех пор мой дух отверзт...

— Государь мой, — начал утешать его Сунь У-кун. — Зачем так убиваться? Ведь ты находишься в кругу своих близких! Если от твоей милой царицы у тебя ничего не осталось на память, то не может быть, чтобы в ее покоях не было ничего любимого ею. Дай мне хоть что-нибудь.

— А зачем тебе? — поинтересовался правитель.

— Видишь ли, — отвечал Сунь У-кун. — Этот дьявол действительно обладает огромными чарами. Я видел, как он напускает дым, огонь и песок. С ним в самом деле будет не легко справиться. Но, положим, я одолею его, все равно царица не пожелает последовать за мной, так как совершенно меня не знает. Она поверит мне лишь в том случае, если я передам ей одну из ее любимых вещиц. Тогда я легко смогу доставить ее сюда. Теперь ты понимаешь, почему я хочу взять с собой такую вещицу.

— Во дворце Солнца Золотой царицы, в ее покоях, хранятся четки из чистого золота, — сказал правитель. — Она никогда с ними не расставалась, но, так как в праздник Лета полагается носить разноцветные нити, она сняла свои любимые четки. Сейчас они хранятся в шкатулке. Мне тяжело смотреть на них, так как они напоминают мне ужасную разлуку. Всякий раз, глядя на эти четки, я вспоминал ее прелестное, словно выточенное из яшмы, личико, и здоровье мое сразу же резко ухудшалось.

— Хватит говорить об этом, — остановил его Сунь У-кун. — Вели лучше принести золотые четки. Если тебе не жаль, дай две штуки, если жаль, я возьму только одну.

Правитель тут же приказал Яшмовой царице принести четки. Она вынесла их и передала царю. Увидев четки, царь несколько раз воскликнул:

— О горячо любимая, ласковая моя царица!

После этого он передал четки Сунь У-куну. Тот принял их и надел себе на руку.

Он не стал пить вина в честь своей первой заслуги, а вскочил на облако и с резким свистом понесся прямо к горе Чудесного оленя-единорога. На этот раз ему было не до того, что-бы любоваться видами. Он сразу же принялся отыскивать вход в пещеру.

Пока он шел, до его слуха донеслись голоса и крики. Остановившись, он стал вглядываться, напрягаясь изо всех сил, и увидел, что у входа в пещеру столпилось множество стражников разных рангов, охраняющих ворота.

Стояли они, сомкнув ряды,

Как деревья в лесной глуши,

Каждый держал свое копьё

И выставил прочный щит.

Стояли они, сомкнув ряды

И развернув знамена,

Ясное солнце на них с высоты

Свет свой лило червонный.

Как воплощенье самой беды

Стояли они, сомкнув ряды.

Здесь полководцы различных мастей

Под стягами яркого шелка

Готовы непрошенных встретить гостей

С яростью лютого волка,

Здесь тигр и медведь бок о бок стоят

С пантерой и барсом рядом;

Все они злобы своей не таят,
Пылают огнем их взгляды.
Подобно тапиру, они храбры,
Отважны, увертливы и хитры.
Владеют они с незапамятных пор
Наукою превращения.
Спустились они с высоких гор,
Выползли из потаенных нор,
Готовы любому дать отпор,
Готовы воздать отмщенье.
Здесь серны коварны, а зайцы ловки,
Здесь змеи — отличнейшие стрелки,
Гориллам понятен язык людской,
И все они без исключения
Умеют порядок блюсти боевой,
Умеют вести сражение.

Увидев это полчище, Сунь У-кун не осмелился идти дальше: он съежился и повернул обратно. Вы можете подумать, что он съежился от страха? Ничего подобного! Он вовсе не испугался. Он дошел до того места, где убил бесенка, нашел желтый флажок и медный гонг, повернулся лицом к ветру, прочел заклинание и, представив себе, как выглядел бесенок, встряхнулся, после чего сразу же принял его облик. Он начал бить в гонг и большими шагами направился прямо к пещере. Но только было он собрался разглядеть пещеру, как его окликнула какая-то обезьяна-горилла:

— Это ты, Юлай Юцью? Уже вернулся?

Сунь У-куну ничего не оставалось, как ответить:

— Да, вернулся!

— Ступай живей! Наш великий князь ждет тебя с ответом. Он сейчас в живодерне.

Услышав эти слова, Сунь У-кун ускорил шаг и, продолжая бить в гонг, направился к главным

воротам и огляделся. Перед ним было пустое помещение, высеченное в каменной скале над обрывом. Слева и справа росли чудесные цветы и трава, а впереди и позади высились множество старых кипарисов и высоких сосен. Он прошел дальше, незаметно очутился за вторыми воротами и, подняв голову, вдруг увидел беседку с восемью окнами, внутри которой виднелось кресло, оправленное золотом. На нем важно восседал сам повелитель демонов, поистине страшный и безобразный:

Над головой его трепещет свет неверный,

И красный дым от косм его струится.

Торчат усы, как две железных спицы,

Над пастью шириной неимоверной,

Утыканной громадными клыками,

По виду схожими с булатными клинками.

Дух смертоносный от него исходит;

Очами злыми, как у бурого медведя,

И круглыми он медленно поводит,

Блестят они, как бубенцы из меди,

И ярим блеском звезды превосходят.

Густыми волосами весь покрыт он,

Как войлоком, из черной шерсти сбитым.

Железный пест, который держит бес,

Длинен настолько, что касается небес.

Сунь У-кун напустил на себя вид полного пренебрежения к дьяволу. Более того, он нарочно не совершил никаких положенных церемоний в знак приветствия, а отвернулся и, глядя по сторонам, продолжал колотить в гонг.

— Это ты явился? — спросил повелитель демонов.

Сунь У-кун не ответил.

— Это ты Юлай Юцуй? — раздраженно переспросил князь.

Ответа опять не последовало.

Тогда князь подошел у Сунь У-куну и, схватив его за шиворот, спросил:

— Ты что трезвонишь, вернувшись домой? Почему молчишь и не отвечаешь, когда тебя спрашивают?

Тут Сунь У-кун швырнул гонг на землю.

— «Отчего» да «почему», — передразнил он. — Я же говорил тебе, что не хочу идти, а ты насильно послал меня! Попал я туда и вижу несметное количество людей и коней, построенных в полки. Они как увидели меня, так и заорали в один голос: «Лови его, держи!» Тут меня стали таскать, давить, жать и растягивать, втащили, наконец, в город и привели к правителю, а тот сразу же велел: «Четвертовать!» Хорошо, что советники отговорили его и даже привели пословицу: «Когда две семьи враждуют, послов не убивают». К счастью, меня пощадили, отобрали у меня грамоту о войне, а затем вывели из города под конвоем, да еще напоследок перед всем строем всыпали мне тридцать палок по пяткам, после чего отпустили и велели доложить тебе о происшедшем. У них там собрано большое войско, которое в скором времени явится сюда и вызовет тебя на бой.

— Теперь я вижу, что ты действительно пострадал. То-то, когда я тебя окликал, ты не отзывался, — уже более мягко сказал князь.

— Конечно, пострадал, — ответил Сунь У-кун. — Я не отзывался только потому, что с трудом перевозмогал боль.

— Сколько же у них там людей и коней? — спросил князь, переходя к делу.

— Меня там до того напугали, что я был почти без сознания, да еще к тому же избили. Где уж мне было подсчитывать да прикидывать, какое там количество людей и коней! Я видел только, что оружие всякое выставлено густым лесом. — И Сунь У-кун закончил свой рассказ так:

Щиты и копья, мечи и латы,

Кольчуги, отделанные богато,

Ножи и пики, луки и стрелы,

Секиры, выкованные умело,

Знамена, что плещут шелком алым,

Шлемы с забралом и без забрала,

Ружья, пищали и вилы стальные,

На длинных шестах значки полковые,

Железные булавы с шипами —

Едва удержишь двумя руками! —

Нагайки-свинчатки, из кожи плети,

Молоты из червонной меди,

Есть остроги, как для красной рыбы,

Тяжелые палицы, словно глыбы,

И самострелы, и колотушки,

И сабли, что тело режут на стружки;

А воины кровожадны и грубы,

На них сапоги и толстые шубы.

Князь выслушал Сунь У-куна и засмеялся.

— Это все неважно! Пустяки! Если у них есть только такое оружие, о котором ты говоришь, то достаточно напустить на него огонь и ничего не останется. Ты пока что ступай к Золотой царице и расскажи ей обо всем, чтобы она не огорчалась, а то она слышала сегодня утром, как я сердился и решил идти войной, так у нее слезы все текут ручьем и не просыхают. Отправляйся к ней и скажи, что там, мол, людей и коней много, все храбрые да отважные, наверняка одолеют меня. Пусть она хоть немножечко утешится!

Эти слова привели Сунь У-куна в восторг, и он подумал: «Вот здорово! Как раз то, что мне надо было!».

И вы только подумайте. Он пошел так, словно хорошо знал здесь все ходы и выходы. Завернув за угловые ворота, он прошел через парадный зал. Внутри оказалось множество высоких комнат и просторных покоев, совсем не похожих на те, что он прошел ранее. Так дошел он до самого последнего дворца. Еще издали он увидел расписные ворота с красивыми украшениями. Тут и жила Золотая царица.

Когда он зашел внутрь, то увидел оборотней, лисиц и оленей, принявших образ девушек, наряженных и нарумяненных, блистающих красотой и миловидностью, которые стояли по обе стороны от Золотой царицы, готовые услужить ей. Несчастная царица сидела в самой середине зала, подперев ручкой ароматную щечку, и из очей ее капали горькие слезы.

Ее печальное лицо так нежно и прелестно,

Оно сияет красотой воистину небесной...

Что ей до украшений бесполезных?

Несчастной женщине до них и дела нет;

Давно уж не приносят ей отрады
Запястья, перстни, ожерелья и наряды,
Давно уж пудры, притираний и помады
С округлых щек ее исчез душистый след.

Где тщательная некогда прическа?
Заколки золотые, шпильки, блески?
Лишились волосы ее бывшего лоска,
Распущенными прядями висят.
Хоть не померк еще ее лучистый взгляд,

Но ясные, подобно звездной ночи,
Задумчивые, ласковые очи,
Потоки слез неиссякаемых струят.

Ее краса — две черных змейки-брови
Всегда теперь нахмурены сурово,
Пурпурный рот ее не произносит слова;

В воспоминанья о царе погружена
Его достойная, любимая жена;

Ее томят досада и забота:

Как пташка малая, попавшая в тенета,

О радости свободного полета
Да о гнезде своем грустит она.

И правда, ведь недаром говорят:

«Красавицам иным дана судьба лихая:

В молчанье скорбном слезы проливая,

Ни ласки, ни участия не зная,

Вдали от дома на ветру стоят...».

Сунь У-кун подошел к царице и, осведомившись о ее здоровье, молвил:

— Прошу принять меня!

— Какой нахал и мужлан! — воскликнула оскорбленная царица. — Совсем невоспитанный! Помнится, когда я жила у себя в Пурпурном царстве и вместе с царем наслаждалась славой и роскошью, все великие мужи государства и главные помощники царя при встрече со мной не осмеливались даже глаз поднять и припадали к земле, а этот грубый дикарь не успел войти сюда, как позволил себе дерзость сказать: «Прошу принять меня!» Кто разрешил ему так разговаривать со мной? Откуда взялся этакий негодяй?!

Прислуживающие царице служанки и прислужницы, мамушки и нянюшки подошли к ней и стали объяснять:

— Сударыня, не гневайся! Это посланец нашего великого князя. Он в чине сяосяо и зовут его Юлай Юцуй. Сегодня утром наш князь посылал его в Пурпурное царство с грамотой о войне. Вот он самый и есть!

Узнав об этом, царица сдержала свой гнев и стала расспрашивать мнимого гонца:

— Так это ты доставил грамоту о войне? Значит, ты был в Пурпурном царстве?

— Я отправился с грамотой прямо в столицу этого царства, во дворец, и был в парадном зале Золотых колокольчиков, видел тамошнего правителя и получил от него ответ.

— Ты собственными глазами видел государя? — взволнованно переспросила царица. — Каков же был его ответ?

— Я только что доложил нашему великому князю, что было сказано в ответ на объявление войны и как правитель Пурпурного царства готовит войско к походу. Я пришел к тебе только за тем, чтобы рассказать, как правитель Пурпурного царства все думает о тебе, и велел передать мне одно душевное слово... Но здесь не место сказать его, так как много посторонних окружает тебя.

Услышав эти слова, царица тотчас же велела оборотням удалиться. Сунь У-кун плотно запер двери, провел рукой по лицу и сразу же принял свой настоящий облик.

— Не бойся меня! — сказал он, подходя к царице. — Я монах из восточных земель великого Танского государства и иду на Запад, в страну Индию, где находится храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Мой наставник — младший брат Танского императора по прозвищу Тан Сюань-цзан. Я его старший ученик, и зовут меня Сунь У-кун. Проходя через твою страну, мы должны были предъявить подорожную и получить пропуск. Мне довелось увидеть воззвание к врачевателям, которое вывесили сановники, и я решил проявить свое умение и вылечил твоего царя от тоски по тебе. Он устроил пир, чтобы отблагодарить меня. Когда мы пили вино, он рассказал о том, как тебя похитил злой дьявол. А так как я умею не только исцелять, но побеждать драконов и покорять тигров, царь обратился

ко мне с просьбой схватить повелителя демонов, спасти тебя от него и привезти на родину. Я нанес поражение здешнему головному дозорному, а потом убил и гонца-бесенка. Когда, находясь еще за воротами, я увидел здешнего царя дьяволов, злого и взбешенного, я решил превратиться в бесенка, по имени Юлай Юцуй, и проникнуть к тебе, не щадя своей жизни, чтобы передать тебе весть о твоём царе!

Царица выслушала его, глубоко вздохнула, но не проронила ни слова.

Сунь У-кун же тем временем достал драгоценные четки и, поднеся их обеими руками, произнес:

— Если не веришь мне, то посмотри на эти вещицы и скажи, откуда они?

Царица взглянула на четки и сразу же залилась слезами. Сойдя со своего трона, она начала низко кланяться и благодарить Сунь У-куна.

— О почтенный монах! Если ты в самом деле спасешь меня и я смогу вернуться домой, то до глубокой старости, уже беззубая, все буду помнить о твоём великом благодеянии.

— Ты мне лучше вот что скажи,— перебил её Сунь У-кун, — что это за драгоценный талисман у здешнего князя дьяволов, с помощью которого он напускает огонь, дым и песок!

— Какой там драгоценный! — насмешливо ответила царица. — Просто-напросто три бубенца. Тряхнёт одним, сразу же взовьётся столб пламени вышиною в триста чжан, который начнет людей палить; брякнет вторым — повалит смрадный дым облаком в триста чжан и начнет людей душить, а как звякнет третьим бубенцом — столб желтого песка взлетит на высоту трехсот чжан и начнет людей слепить. Дым и огонь не так опасны, как этот песок. До чего же он ядовит! Если в нос кому попадет, тот в живых не останется.

— Вот здорово! — промолвил Сунь У-кун. — Я уже испытал это на себе: пришлось раза два чихнуть. Ну, а где он хранит свои бубенцы?

— Разве совершит он такую оплошность, чтобы расстаться с ними? Они у него всегда за поясом. Он с ними и ходит, и стоит, и сидит, и ложится!

— Царица! — торжественно произнес Сунь У-кун. — Если ты действительно хочешь жить в Пурпурном царстве и вернуться к своему повелителю, временно отгони от себя всю свою скорбь и печаль, постарайся придать своему лицу радостное выражение, поговори с этим дьяволом по душам, как жена с мужем, и заставь его отдать тебе бубенцы на хранение. Как только представится случай, я украду их, затем расправлюсь с самим оборотнем и тогда смогу отвезти тебя к твоему царю. Вы вновь станете жить вместе в мире и согласии, как пара фениксов, и будете до конца дней своих наслаждаться счастьем и благополучием.

Царица сразу же изъявила согласие поступить так, как сказал Сунь У-кун.

После этого он вновь превратился в бесенка-гонца, открыл двери и позвал всех приближенных мамушек и нянюшек.

— Эй ты, Юлай Юцой, — властным голосом подозвала к себе Сунь У-куна обрадованная царица. — Ступай живей к твоему господину и пригласи его ко мне: я хочу с ним поговорить.

Ну и Сунь У-кун! Он согласился и тотчас прибыл к живодерне, где находился великий князь.

— О великий князь! — почтительно молвил он. — Царица приглашает тебя к себе!

Дьявол пришел в восторг.

— Как же так? — не веря своим ушам, радостно восклицал он. — Царица до сих пор лишь ругала меня! Как же это она сегодня соизволила пригласить меня к себе?!

— Когда царица стала меня расспрашивать о Пурпурном царстве, — бойко отвечал Сунь У-кун, — я сказал ей так: царь забыл тебя и нашел себе царицу в другом государстве. Царица услышала об этом, перестала думать о нем, и вот только что приказала мне передать тебе приглашение!

Повелитель демонов уже в полном восторге сказал:

— Ты, я вижу, молодец! Вот погоди, разделаюсь с этим царством и пожалуй тебе звание великого советника царского двора!

Сунь У-кун поблагодарил за милость и поспешил вместе с царем дьяволов к воротам дворца, в котором жила царица. Царица, сияя от удовольствия, встретила царя дьяволов и, взяв под руку, хотела провести во внутренние покои. Но тот, пятясь назад, стал говорить заплетающимся языком:

— Повелительница моя, не смею! Никак не осмелюсь быть удостоенным твоей любви. Боюсь, что рукам опять будет больно, а потому не дерзаю приблизиться к тебе.

— О великий князь! — молвила царица. — Прошу тебя, сядь! Мне надо поговорить с тобой!

— Говори все, что хочешь, — отвечал царь дьяволов, — пусть ничто не мешает тебе!

Тогда царица повела свою речь так:

— Я удостоилась твоей любви, которую стыжусь принять вот уже три года. За это время мы с тобой еще ни разу не спали на одной подушке и не покрывались одним одеялом. Но, видно, еще в прошлом нашем перерождении было нам суждено жить вместе — стать мужем и женой. Не знаю почему, великий князь, ты сторонись меня и не хочешь выполнить свой супружеский долг. Вспомнилось мне, что, когда я была царицей в Пурпурном царстве, все драгоценности, которые подносили в дань вассальные княжества, царь передавал мне на хранение, предварительно проверив их. А здесь у тебя нет никаких драгоценностей. Окружающие тебя приближенные одеты в шкуры животных и едят сырое мясо. Ни разу я не видела здесь ни шелка, ни парчи, ни золота, ни жемчуга! Одни только меха да кожи. Может быть, у тебя есть драгоценности, но ты не хочешь показывать их мне, и тем более давать их мне на хранение, так как все время сторонись меня. Я слышала, что у тебя есть три бубенца. Думаю, что они-то и являются твоей главной драгоценностью, иначе ты не держал бы их постоянно при себе. Разве не можешь ты дать их мне на хранение, а когда понадобятся — взять их у меня? Ведь так принято у супругов, и в этом выражаются их любовь и доверие друг к другу. Ты же не доверяешь мне, значит, чуждаешься меня.

Царь дьяволов громко рассмеялся, виновато поклонился царице и ответил:

— Повелительница! Ты справедливо сетуешь на меня! Вполне справедливо! Драгоценность находится при мне, и я сейчас же передам ее тебе на хранение.

С этими словами он расстегнул одежду и достал свой талисман. Сунь У-кун находился рядом и, не сводя глаз, смотрел, как дьявол расстегивал одну за другой свои одежды. Три бубенца были привязаны к нательному поясу. Дьявол отвязал их, заткнул ваткой отверстия, сделал узелок из кусочка шкуры барса, положил в него бубенцы и передал царице с такими словами:

— Эта вещица хоть и невзрачна, но хранить ее надо бережно и осторожно! Ни в коем случае нельзя трясти!

— Понимаю, — сказала царица в ответ, принимая узелок. — Я положу узелок сюда, на столик для прихорашиваний, и никто не будет трясти его. Эй! Слуги! — крикнула она. — Подайте вина! Сегодня мы будем пировать с великим князем по случаю радостного свидания и выпьем несколько чарок!

Толпа служанок и прислужниц бросилась расставлять посуду, плоды и закуски. Подали жаркое из серны, свинины, оленя и зайца, принесли кокосовое вино и разлили в чарки. Царица с обворожительным видом принялась угощать дьявола.

Сунь У-кун, стоявший в стороне, сделал вид, что чем-то очень занят, а сам тем временем крадучись приблизился к столику, тихонько взял узелок с тремя бубенцами и, медленно переступая ногами, выскользнул за двери. Он вышел из дворца и подошел к живодерне, где в это время никого не было. Там он развернул узелок и стал рассматривать бубенцы. В середине оказался один величиною с чайную чашку, а по бокам два других поменьше. Не подозревая об ужасных последствиях, Сунь У-кун стал вытаскивать вату из бубенцов, и вдруг все три разом звякнули. Тотчас же с шумом и грохотом из них вырвались огонь, дым и желтый песок. Сунь У-кун не знал, как остановить действие бубенцов. Все вокруг было охвачено пламенем. Бесы,

сторожившие входные ворота, перепугались и бросились к заднему дворцу, где в это время находился их повелитель.

Царь дьяволов встревожился и стал поспешно отдавать приказания:

— Гасите огонь! Гасите скорее!

Когда дьявол выбежал посмотреть, что случилось, то сразу понял, что бесенок-гонец Юлай Юцой утащил бубенцы. Дьявол подбежал к нему и заорал:

— Ах ты, презренный раб! Как посмел ты украсть мои драгоценные бубенцы да еще забавляться ими!

Вне себя от злости он приказал слугам:

— Взять его немедленно!

Стоявшие у ворот оборотни-воеводы, тигры, медведи, барсы, леопарды, тапиры, волки, горные бараны, зайцы, змеи, удавы, гориллы — разом кинулись на Сунь У-куна.

Заторопившись, Сунь У-кун выронил золотые бубенцы и принял свой настоящий облик. Выхватив посох с золотыми обручами, послушный его велениям, он стал прокладывать себе путь к бегству, нанося удары куда попало. Тем временем царь дьяволов подобрал свои бубенцы и дал распоряжение: «Закреть передние ворота!».

Одни бесы бросились закрывать ворота, а другие продолжали побоище с Сунь У-куном.

Великий Мудрец никак не мог вырваться из круга; он убрал посох, встряхнулся, превратился в муху, и, полетев к каменной стене, где не было огня, приютился на ней. Бесы искали его, но не могли найти и доложили своему царю:

— О великий князь! Разбойник скрылся!

Тогда дьявол обратился к привратникам:

— Пробегал ли кто-нибудь через ворота?

— Ворота плотно заперты на засов и на замок, — ответили они, — никто не мог проникнуть через них.

— Тщательнее ищите! — то и дело приказывал царь дьяволов.

Одни бесы заливали огонь водою, другие рыскали в поисках Сунь У-куна, но нигде не могли напасть даже на его след.

— Ну и разбойник! — вне себя от гнева кричал царь дьяволов. — До чего же он отчаянный?! Превратился в моего гонца по имени Юлай Юцюй, явился сюда ко мне и передал ответ, а затем, сопровождая меня, воспользовался случаем и похитил драгоценный талисман! Хорошо, что он не успел вынести его. Если бы он унес его на вершину горы, а в это время подул бы ветер, что тогда было бы?!

Тут выступил вперед полководец-тигр и сказал:

— О великий князь! Счастье твое велико, как небо! Видно, и нашей жизни срок еще не вышел, вот почему мы все же вовремя спохватились.

За ним выступил предводитель-медведь:

— Великий князь! — пробурчал он. — Этот разбойник не кто иной, как тот самый Сунь У-кун, который нанес поражение нашему головному дозорному. Полагаю, что он по дороге встретился с гонцом Юлай Юцюем, погубил его, взял его желтый флажок, гонг, табличку, принял его облик, прибыл сюда и здесь обманул тебя, великий князь!

— Совершенно верно! Должно быть, все так и произошло! — согласился с ним царь дьяволов. — Твое предположение вполне справедливо.

Обратившись к слугам, царь дьяволов приказал:

— Тщательнее обыщите все возможные укрытия и убежища. Ворот ни в коем случае не открывайте, чтобы не упустить его!

Вот уж поистине:

Он позабавиться хотел,

А сам попался не на шутку;

Хотя и ловок был в веденье дел,

Все вышло вопреки рассудку.

Если вы хотите узнать о том, как Сунь У-куну удалось вырваться из пещеры дьявола, обратитесь к следующей главе.